

Три случая из жизни командира подводной лодки

Служба на подводных лодках – особая. Там, на глубине действуют все законы – от физических до психологических – действуют с большим давлением. Поэтому про подводников принято рассказывать всегда, описывая, в первую очередь, сложность ситуаций и рода деятельности. И, конечно, сначала я думала, что материал о Сергее Геннадьевиче Козаре, капитане 1 ранга, командире подводной лодки, получившей в последствии название «Пермь», будет серьезным и образцово-строгим. Но ведь в каждой службе есть доля юмора и интересных историй. Вот о них и рассказал мне Сергей Козарь.

Через тернии – в море

Служить на подводной лодке было не только мечтой, но и – целью жизни. Поэтому на распределении по окончании Высшего военно-морского училища радиоэлектроники им. А.С. Попова Сергей отказался от назначения на ремонтирующиеся лодки, так как хотел попасть в море

...и был отправлен в технический экипаж. То есть в экипаж, который в море не ходит, а всегда остается на берегу и занимается ремонтом. Может быть, сейчас такому повороту кто-то и радуется, а тогда для Сергея это было крушением всех надежд. Не складывать же из-за этого руки, верно? И Козарь провел целую спецоперацию, чтобы попасть лично к командующему – контр-адмиралу Чернову.

Встреча длилась около 30 секунд. Командующий был, безусловно, поражен дерзостью лейтенанта. И доходчивым русским языком выразил свое отношение к упорству и смелости молодого офицера. Обижаться было бессмысленно, всё верно: назначили – служи. И Козарь пошел служить. От штаба до городка было 5 км дороги, автобусы не ходили. Сергей шел и плакал от отчаяния: он готовился к этому и об этом мечтал.

Море любит упорных. Через год Козаря, старательного и, кстати, хорошо поднаторевшего в ремонте лодок, назначили на корабль.

Глубиномеры и валенки

Вот уж точно: два предмета, никак не связанных друг с другом. И, между тем, именно случай, в котором непосредственно участвовал простой русский валенок, привел к тому, что Сергей стал специалистом в настройке сложного оборудования для измерения глубины погружения подводной лодки.

Каждый год подводные лодки для подтверждения своей боеготовности выходят в море на практические стрельбы. Упражнение по выполнению задачи – выстрелить в цель торпедами – длится 2-3 дня, в течение которых лодка несколько раз условно или фактически стреляет торпедами или ракетами. Лодка 705 проекта, на которой инженером БИУС служил в тот момент Козарь, имела специфику: стрельба выполнялась только с пульта, без возможности ручного ввода данных в торпеды.

И вот наступает самый ответственный момент: лодка вышла на позиции. Звучит: «Товьсь!», всё готово для стрельбы... а на пульте командира два красных «глаза» - система контроля показывает, что ЦВМ неисправна. Что такое?

Систему нужно перезапускать. Лодка маневрирует, Козарь бегаёт из отсека в отсек. Пытается понять в чём неисправность. Лодка заново выходит в позицию стрельбы, экипаж в готовности №1 ...Вспыхнувшие табло красным сигналом светофора не позволяют лодке стрелять. И вновь Козарь бежит, и вновь перезапускает БИУС, а лодка в третий – последний из возможных – раз догоняет цель, занимает позицию...

Но БИУС, словно подговоренная морским дьяволом, опять вперивается багровым взглядом в Козаря. Цель вышла из района выполнения упражнения. Лодка должна возвращаться, не сделав ни единого выстрела.

Командир хватается валенок (дело было зимой) и бьёт лейтенанта упругим валяным боком:

- Я первый раз возвращаюсь с торпедами в базу!

Конечно, тут и говорить нечего, что Сергей многое услышал и узнал про себя. Не узнал только главного: что случилось?

Не спал после этого почти полгода: подвел командира, подвел экипаж. Изучал, разбирался. Досконально. До самых нюансов. И выяснил... что всё дело – в боцмане.

В то время на корабль был назначен новый боцман: уже немолодой по возрасту, но не давно получивший должность. Как и полагается, он начал настраивать подведомственные ему механизмы под себя. И сбил настройки глубиномеров. На 705-ом проекта система, оператором которой был Козарь, получала данные от 200 различных источников. Контроль был устроен так: если от какого-то источника данные не пришли – отключается вся система. А глубиномеры при изменении диапазона глубин и, будучи нечаянно разрегулированы боцманом, работали некорректно, не переключались должным образом.

В результате этой истории Козарь стал, можно сказать, экспертом по настройке глубиномеров. Его стали приглашать на другие корабли настраивать системы. Но это было потом, а до этого полгода – бессонные ночи и валидол, назначенная комиссия и разбор «подводных полетов».

Чепушечка

Слово это – нежное, с уменьшительно-ласкательным суффиксом – Сергей и теперь терпеть не может. Потому что на экипажном языке оно означало не маленькую какую неприятность, а действительно ЧП. И чепушечек таких было немало.

...был среди срочников в один призыв матрос, которого отправили служить на подводную лодку коком. И всё бы ничего – должность весьма спокойная, если бы не тот факт, что парень этот был скорее готовым спецназовцем, чем корабельным поваром. Невысокий, но физически натренированный, он вырос без отца и с 14 лет зарабатывал боями без правил: совсем юный, а всё лицо в шрамах. Незлобный, нет, но – с характером. Зачем коком отправили – военкомат его знает! Козарь смотрел на него и понимал, что однажды этот кок всё-таки устроит заварушку. Дело было в период отпусков, совпавшим с новым призывом, поступавшим на корабли. Сергей перед отъездом вызвал кока к себе: «Сейчас смена поколений; не вздумай прижимать молодых». Кок заверил, что и в мыслях не было такого.

Слово «боевой» кок держал, но хватило его ненадолго... Буквально через пару дней после того, как Козарь вернулся из отпуска, во время обеда в экипаже начался шум-гам.

Дежурный – к Козарю: «Товарищ командир, у нас чепушечка...»

Оказалось, что один из срочников, вновь присланных на корабль, выразил недовольство каким-то блюдом. Дежурный офицер, всегда следящий за обедом матросов, как назло отошел на несколько минут. Кок, оставшийся без присмотра, дал молодому подзатыльник и увел с собой в бытовку. Там он сделал матросу бутерброд: из хлеба и зубной пасты. И заставил съесть. Матрос же тоже был со своим норовом, только истеричным и нервным, поэтому схватил нож и начал чиркать по руке...

Перерезать вены ему не удалось – вовремя остановили. Но порезы были весьма глубокими. Да и сам факт демонстративно-суицидной попытки на боевом корабле – серьезное ЧП. В итоге ход делу Козарь решил не давать, но разговор с воинственным коком был очень серьезным. Срочников развели по разным кораблям, чтобы они больше не встречались. А чепушечка стала еще одной зарубкой на нервах командира...

...И всё-таки годы, проведённые в море, несмотря на регулярные тревоги и сложности, были и остаются самыми прекрасными. Когда над тобой десятки метров, когда за прочным корпусом поют косатки, сопровождающие лодку по несколько суток, когда поднимаешься на воздух, вздымая тонны воды, жизнь познаётся иначе. Глубже, острее. И вкус её солёный остаётся на губах на всю жизнь...

– Хотите ли вам снова в море? - спросила я Сергея Геннадьевича.

– Очень, – улыбнулся он чуть грустно, – и в море выйти, и на лодке хотя бы побывать...

С Днём ВМФ, дорогие наши моряки!